

Верность исторической правде

ЛЕНИНИАНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Фильм «Октябрь» вышел на экраны в 1927 году. Его авторы были современниками Ленина. Фильм стал не только памятником величайшему историческому событию в жизни народов России и всего мира, но и образным воплощением ленинских идей в действии. Отвечая на анкету газеты «Кино» в 1932 году и говоря о своем фильме, Эйзенштейн подчеркивал: «Ильич воспринялся не как бытовой персонаж, а (как) символ». И дальше отмечал скромные границы, которыми обозначалась работа съемочного коллектива фильма «Октябрь» над ленинским образом: «На большее, чем на тень, мы не претендовали».

В последние годы Лениниана в искусстве и литературе обогатилась множеством новых работ. Они неравноценны ни по масштабам проникновения в тему, ни по силе художественного воплощения образа. Но нетрудно заметить те побудительные мотивы, которыми руководствовались авторы новых фильмов и пьес, повестей и рассказов, посвященных вождю и революции. Преимущественно они выражались в поисках малоизвестных фактов из жизни Ленина или в подкреплении новыми материалами событий хорошо известных, в постижении ленинских идей и их связи с историей и с нашей современностью, в стремлении понять современного человека и современный ход развития с позиций «великого начала», когда ленинская мысль, материализованная в революционном движении масс, становилась формулированным законом истории.

О Ленине в последние годы появилась большая мемуарная литература. Люди, видевшие Ленина, вспоминают о своих встречах с великим революционером, об его отношении к важнейшим вопросам развития революционной борьбы, к явлениям политики и культуры, к отдельным личностям, друзьям и противникам, с которыми сталкивалась его трудная и прекрасная жизненная дорога. Воспоминания о Ленине восстанавливают и фиксируют отдельные исторические факты и приобретают значение документа. Конечно, каждый мемуарист неизбежно привносит в воспоминания нечто от своей личности, от собственного восприятия. Бесстрастность летописца уступает место глубоко заинтересованному, нередко эмоциональному рассказу о прошлом, и в этом несомненное достоинство многих воспоминаний.

Нетрудно заметить родство и близость мемуарной литературы о Ленине и тех художественных попыток запечатлеть образ вождя, которыми отмечена современная проза. Дело, разумеется, не в том, что воспоминания наряду с документом часто становятся питательной почвой прозы. Это путь вполне естественный и не новый для создания исторического произведения. Желание «воспроизвести» равно движет прозаиком и мемуаристом. И хотя в одном случае речь идет об увиденном и пережитом, а в другом, говоря словами Эйзенштейна, только о желании видеть, способы познания эпохи чрезвычайно близки.

Ленинградские прозаики ведут широкий поиск в области ленинской темы. Назову только некоторые имена писателей, чьи книги о революции и о Владимире Ильиче уже знакомы читателям. Это — П. Капица и Л. Радичев, Н. Григорьев и Б. Четвериков, О. Матюшина и Л. Раковский, Н. Ходза и В. Дмитриевский, Б. Раевский и Н. Кондратьев. Нынешний год, несомненно, будет ознаменован новыми произведениями о Ленине, которые, как мне представляется, могут обозначить и новый этап в разработке историко-революционной темы.

Если первое соприкосновение с ленинской темой чаще всего опиралось на мемуарные свидетельства современников, свидетелей, обретавшие силу документа, теперь писатель сам становится историком, стремится проникнуть к подлинному документу, ощутить время через его призму и уже на этой основе сопоставить свои представления о прошлом с представлениями мемуариста. Это путь поиска, а следовательно, путь наиболее плодотворный.

На этом пути создавались наиболее значительные страницы повести Петра Капицы «Завтра будет поздно», посвященные истории революции и событиям жизни и борьбы Владимира Ильича в дни подготовки октябрьского штурма. Недавно в журнале «Нева» напечатано небольшое историческое повествование Леонида Радичева «Щедрое солнце июля». Основываясь на архивных и мемуарных материалах, автор погружает читателя в атмосферу летних дней двадцатого года, когда в Петрограде собрался Второй конгресс Коммунистического интернационала. Документальность и верность исторической

правде являются важнейшими признаками этого повествования.

И еще один пример. Книга Михаила Сонкина «Выстрел на Фонтанке» уже обрела читательскую популярность, и существенным условием этого стало все то же глубокое проникновение автора в самую суть исторических фактов. Читатель хочет ощутить в таком повествовании подлинную правду истории. Он умеет отличить ее от приблизительности и недомолвок, от беллетристических завитушек. Только правда и глубина художественного проникновения способны вызвать у него полное доверие к труду литератора.

Итак, мемуарист основывается на фактах, сохранившихся в памяти. Прозаик проверяет и дополняет эти факты документами и проводит события через собственное образное представление. Но ведь и память спустя полвека способна в какой-то мере трансформировать события. Очевидно, и в одном и в другом случае факт, взятый в историческом аспекте, требует современного осмысления. Процесс это сложный, творческий, история и современность как бы идут навстречу друг другу, и в этом соединении и столкновении открывается высшая степень познания.

Говоря о ленинской теме в литературе и искусстве, вряд ли нужно подчеркивать различие между художественностью и документальностью. Ведь, в сущности, все, что касается Ленина, должно быть документальным, и все должно нести на себе печать творческого воодушевления, художественного поиска.

Проза Мариэтты Шагинян, основанная на интересных архивных изысканиях и глубоких раздумьях о времени, стала для нас одновременно явлением художественным и документальным.

Но в историко-революционной прозе Мариэтты Шагинян есть и другая особенность — это современность взгляда, я бы сказал больше: присутствие современного человека. Писательница не декларирует своей верности документу и факту, она посвящает читателя не в процесс поиска, а в собственное образное осмысление известного и неизвестного; открытие, совершенное ею, лишается какого бы то ни было элемента сенсации, закономерно входит в художественную ткань произведения.

И, однако, новизна должна быть непререкаемым условием обращения к ленинской теме в литературе и искусстве. Новизна в самых различных ее проявлениях. Новые факты и новые подробности жизни Ленина и истории революции. Новый взгляд на события известные и связанная с этим самостоятельная трактовка. Наконец, новизна художественного подхода к историческому повествованию, высокий уровень мастерства, который может служить гарантией успеха и в самом себе несет важные элементы открытия — исторического и художественного.

Такое понимание ленинской темы в литературе выразилось еще в «Синей тетради» Э. Казакевича. Тонкое, идейно и психологически наполненное, устремленное в глубь характера, пластически выразительное письмо противостояло той нередко непритязательной скорописи, которая уводила от больших мыслей и идей, от истинных масштабов времени в область частных, нередко мелких событий. Любопытно, что и здесь существует близость между теми, кто вспоминает о частностях, далеко не всегда существенных, и теми, кто беллетризирует их, придает им художественную форму. Это как бы иной уровень литературы, против которого восставал Эйзенштейн, когда говорил об эмоциональном результате воплощения образа Ильича и несообразности попыток «терзать его облик по деталям».

Такие попытки возникают чаще всего из доброго намерения показать Ленина в его человеческой сути, в окружении самых простых вещей, в обыденной жизни. В рассказах, в отдельных эпизодах повестей и даже романов на первый план подчас выходили факты совершенно незначительные, способные характеризовать всего лишь несущественную частность. И когда такому факту придавалось самодовлеющее значение, когда все происходило в ощущении необыкновенной приземленности, мир вокруг героя неизбежно становился узким, лишенным общественной атмосферы, воздуха времени.

Нелепо было бы возражать против желания художника видеть в Ленине не только вождя революции, но и человека. Но столь же нелепо пытаться отделить в Ленине человека от вождя. Постигнуть образ, воспроизвести его можно только в единстве двух этих граней. Вождь и человек в Ленине неразрывны. В каждой крупнице человеческого облика, как в кап-

ле воды, отражается великое. Когда Крупская писала: «Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо», она говорила о Ленине — вожде революции: «Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал в себя».

Литература, обращенная к историко-революционной теме, давно уже соединила в едином художественном слове принципы художественной и документальной прозы. В кинематографе и в театре это получило впоследствии довольно распространенное в наши дни определение — «на стыке жанров». Ведь, в сущности, и романы М. Шагинян, и произведения В. Катаева, М. Прилежаевой, А. Кононова и многих других, в том числе документальная проза Е. Драбкиной, с разной степенью мастерства, но с одинаковым пониманием этих принципов придерживаются направления уже начатых поисков.

Елизавета Драбкина видела Ильича, знала его, слышала, была близко знакома со многими людьми, работавшими с Лениным бок о бок. Каюсь бы, она могла ограничить свою задачу только воспоминаниями о прожитых годах. Как это важно и как это, в сущности, мало для образного рассказа, для воссоздания картины жизни во всей ее полноте! На первых страницах «Зимнего перевала» есть такие строки: «Для одного человека эта задача непосильна по своей огромности и сложности. Чтобы выполнить ее по-настоящему, надо одолеть горы самых разнообразных материалов и долгие годы работать «во глубине архивных руд».

Эту книгу трудно было бы отнести к какому-либо одному жанру. Документ соседствует в ней со страницами мемуаров, цитата из политического источника с живыми эмоциональными строками художественных описаний. По всем своим внешним признакам «Зимний перевал» — произведение многожанровое. И так, вероятно, следовало бы его воспринимать, если бы не огромный внутренний ток, пронизывающий повествование и придающий ему ту цельность, которая позволяет говорить о «Зимнем перевале» прежде всего как о явлении художественной прозы. Строго документированной, основанной исключительно на исторически достоверных источниках, но эмоционально пережитых автором, логически и чувственно поставленных в связь с объективным ходом событий и с движением мысли.

Говоря об исповеди автора перед современниками, я вспоминаю многие размышления Елизаветы Драбкиной о прожитых годах, размышления, гордые и горестные, светлые и печальные, звучащие в разной тональности, но всегда оптимистические и предельно честные. Возобновите в памяти описания встреч автора с людьми. По-вольясь в дни безмерного бедствия голодного двадцать первого года и завершающие эти описания такие слова: «Желая показать, что за человек он был, обычно говорят: «Он брал Зимний». Правильнее было бы говорить иначе: «Он брал Зимний и возглавлял борьбу с голодом в Самаре». Предельно просто, почти протокольно, но сколько внутреннего драматизма и величия в этих словах!

И так едва ли не обо всем, чего касается автор «Зимнего перевала». О проблемах искусства, в связи с известным разговором Леона и Клары Цеткин, о дружбе Ленина и Крупской с Инессой Арманд, о социальных и экономических проблемах той поры, о делах крестьянских, все время находившихся под пристальным вниманием революционного правительства, о русском рабочем, о котором А. В. Луначарский сказал, «что им строится русская земля». Все находится в окружении точных фактов и наблюдений, вызывает живые и глубоко современные мысли, позволяет делать выводы социально-философского, исторического и нравственного характера.

Недавно в Варшаве, в Музее Ленина, в зале, посвященном пребыванию Владимира Ильича в Кракове и Поронине, я видел фильм, призванный свидетельствовать об этом событии. Документальных кадров, показывающих Ленина в Польше, как известно, не существует. А фильм — документальный. Меня поразило проявленное в фильме умение воссоздать атмосферу подлинного, отбор деталей, в совокупности своей передающих ощущение присутствия Ленина. Не сразу, но все явственнее возникает образ человека, которому посвящен фильм... Нас вводят в дом в Белом Дунайце, близ Поронина, в комнату, куда Ленин вошел, присев в горную часть страны, и возникало перед нами деревянные стены и скромное убранство, какое Ленин увидел, и нятя рука протягивает огонек к лампе над столом и зажигает светильник. Здесь Ленин будет работать. Ленина в картине нет, и Ленин во всем.

Понимая несообразность сопоставлений маленького фильма с большими писательскими замыслами, я хотел бы подчеркнуть, однако, плодотворность положенного в основу фильма строгого и точного принципа. Воссоздание правды ленинского образа и хода истории требует не только постижения подлинных фактов, но и умения уловить тот эмоциональный строй, те чувства и особый ритм ленинского образа, которые живут в каждом человеке. Не случайно Сергей Эйзенштейн назвал народное представление о Ленине «высшей правдой». Отбор и лаконизм изобразительных средств, поиск и раздумье были и остаются обязательными условиями образного воплощения исторических событий.

А. БЕЙЛИН

Ленинградская правда 21 июля 1969